

черепной коробки, чем другие измерения ширины лица, а ширина черепной коробки увеличена в поздней серии по сравнению с ранней в связи с брахицефализацией. Единственное, что позволяет объективно констатировать опубликованный материал — это стабильность в ширине и пропорциях лицевого скелета, начиная с эпохи раннего средневековья и кончая XVIII в. Этот факт согласуется с представлением о консервации протоморфного типа в горах Центрального Кавказа в большей степени, чем с противоположной точкой зрения о расширении лица в поздние эпохи по сравнению с ранними на Северном Кавказе и в Закавказье.

Кстати сказать, Э. Н. Джавахишвили не вполне точно излагает разницу между точками зрения М. Г. Абдушелишвили и рецензента. Разница не в том, что М. Г. Абдушелишвили признает трансформацию кавкасионского типа во времени, а В. П. Алексеев отрицает ее (брахицефализация — тоже трансформация, а отрицание ее на Кавказе граничит с отсутствием здравого смысла), разница в понимании ведущего направления изменения. Для М. Г. Абдушелишвили ведущим является расширение лицевого скелета от эпохи к эпохе по мере приближения к современности, для меня главное в формировании кавкасионского типа — стабильность во времени основных признаков на протяжении тысячелетий.

Сделанный обзор содержания рецензируемой книги и высказанные критические замечания иллюстрируют важность обсуждаемых в ней проблем для теории расоведения и высокое качество использованных палеоантропологических материалов. Критическое обсуждение затронутых М. Г. Абдушелишвили вопросов показывает, что многие кардинальные темы кавказской антропологии не допускают пока однозначного решения из-за состояния фактических данных. Смелая постановка этих вопросов сейчас, несомненно, стимулирует дальнейшие исследования в этой области. Но уже и в настоящее время достигнутый уровень разработок антропологии Кавказа позволяет оценить новую книгу М. Г. Абдушелишвили как значительный вклад в литературу по антропологии СССР.

В. П. Алексеев

Т. Ф. Аристова. Курды Закавказья (историко-этнографический очерк). М., 1966, 210 стр.

Среди курдологических работ последнего времени рецензируемый труд Т. Ф. Аристовой безусловно привлечет к себе внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей. На первый взгляд, эта книга посвящена сравнительно узкой теме. В самом деле, в советском Закавказье проживает менее 1% всех курдов (59 тыс. по переписи 1959 г.). Примерно таким же, видимо, будет соотношение курдов с коренным населением Армянской и Азербайджанской ССР, где они в основном проживают. Казалось, изучение курдов СССР не сулит значительных перспектив для курдоведения и этнографии.

Книга Т. Ф. Аристовой доказывает обратное. Приведенный в ней материал, хотя и относится к весьма малочисленной этнической группе, позволяет сделать важные обобщения не только историко-этнографического, но и политического характера. Главной удачей автора является правдивый показ социальных и материальных условий жизни закавказских курдов в социалистическом обществе. Современная жизнь их, всесторонние достижения в области быта и культуры отображены достаточно полно и дают богатую пищу для сравнений. Пример советских курдов выглядит особенно убедительным, если вспомнить, как живут их соотечественники за рубежом.

Книга Т. Ф. Аристовой является первым сводным трудом в области этнографии советских курдов. Предшествующие работы, в том числе и самой Т. Ф. Аристовой, касались лишь частных вопросов или же были далеки от этнографической тематики¹. Автору удалось умело обобщить все основные литературные данные по курдам. Однако при всем значении этих данных, не они определяют познавательную ценность рецензируемой книги. В основе исследования лежит собранный автором во время экспедиций полевой материал, с помощью которого автор не только с большой полнотой характеризует быт и материальную культуру современных закавказских курдов, но и много дает для понимания их прошлого. Благодаря наличию материалов непосредственного наблюдения, работа Т. Ф. Аристовой сама может стать источником для последующей разработки указанной темы.

Метод исследования, который выбрал автор, — сравнительно-исторический (что стражено и в подзаголовке книги). В одних случаях материал исследуется в строго хронологической последовательности, в других — прошлое привлекается автором только для сравнения. Однако и в том, и в другом случае, сравнивая прошлое с настоящим, автор смог показать достижения закавказских курдов в области материальной и духовной культуры и быта на всех основных этапах развития советского общества.

¹ Из последних хочется выделить работу Х. М. Чатоева «Курды советской Армении. Исторический очерк (1920—1940)», Ереван, 1965. Однако в этой книге собственно этнографического материала почти нет. К тому же автор ограничил свою задачу узкими локальными и хронологическими рамками.

Если учесть, что курды были одним из самых отсталых в культурном и социальном отношениях национальных меньшинств царской России, преследуемым и беспощадно эксплуатируемым царскими колонизаторами, а советские курды за истекшие десятилетия преодолели отсталость и сравнялись в экономическом и культурном отношении с другими народами нашей страны, то станет несомненной плодотворность примененного Т. Ф. Аристовой метода исследования. Этот метод может и должен быть употреблен при изучении других «малых», в дореволюционном прошлом дискриминируемых народов СССР.

Правда, этот сам по себе правильный подход к теме выглядит далеко не всегда убедительно при работе автора с конкретным материалом. Так, более чем наивно обоснование необходимости подачи материала в двух планах — хронологическом и сравнительном: «неравномерное расселение курдов в различных районах и географических зонах Закавказья (высокогорных, предгорных, низменных) не дало возможности автору осветить всесторонне быт и культуру курдов» (стр. 13). Думается, что при современных средствах сообщения это не должно было служить препятствием для полевых работ этнографа. Явно преждевременным выглядит утверждение о том, что еще к концу XIX в. Курдистан стал «выгодной сферой приложения» капитала европейских держав и что курдский народ оказался под «тройным игом — местных вождей племен, турецких, иракских и иранских властей и иностранных империалистов» (стр. 26). Во-первых, иракских властей в то время еще не существовало, поскольку Ирак сам входил в состав Османской империи, во-вторых, иностранный капитал тогда еще не проявлял никакого интереса к стране курдов. Речь могла идти только о военно-политической экспансии. Нечетко определен социально-экономический базис курдских племен дореволюционного Закавказья. В одном месте говорится о проникновении феодальных отношений в курдскую деревню (стр. 50), в другом, — что курдский народ оставался «по-прежнему в полуфеодальной зависимости» (стр. 51). Видимо в применении к пореформенному Закавказью, где развивался капитализм в уродливой форме колониальной модификации, говорить о феодальных, равно как и о полуфеодальных отношениях, можно только как о пережиточных категориях. Для курдских же племен стадия феодализации оказалась искусственно прерванной вторжением российского капитализма.

Сказанное относится к вводной главе, содержащей краткие сведения об истории закавказских курдов и о социально-экономических отношениях у них в дооктябрьский период и не претендующей на самостоятельное научное значение. Однако и в основных главах книги автору не всегда удается логично совместить материал исторический и современный. Так, говоря об этнографических различиях между курдами Армении и Азербайджана (стр. 79, 81 и др.) в дореволюционный период, автор не учитывает, что тогда административное деление Закавказья было совсем иное, и границы Эриванской, Тифлисской, Кутаисской, Елисаветпольской и Бакинской губерний вовсе не совпадали с границами нынешних Армянской, Грузинской и Азербайджанской ССР. Да и применительно к современности вряд ли можно столь безоговорочно делить курдов на армянских и азербайджанских, проживающих часто чересполосно, желательны какие-то оговорки и уточнения.

Предложенная автором периодизация — дооктябрьский период, 20-е годы, 30-е годы, 40—60-е годы (стр. 13) — в общем не вызывает возражений, однако к этнографическим реалиям применяется она порой догматически. Например, следуя своей схеме, Т. Ф. Аристова выделяет в историческом развитии жилища курдов этап с 1920-х годов до начала коллективизации (стр. 87), но не приводит материала, обосновывающего выделение этого этапа. Напротив, из дальнейшего изложения следует, что курдское жилище до начала коллективизации не претерпело никаких изменений по сравнению с дореволюционным временем. Загадочным для читателя остается также вопрос о том, какие конкретные изменения внесла коллективизация в быт бедняков (стр. 135).

С другой стороны, при характеристике современных быта и культуры курдов Закавказья нередко отсутствуют приметы времени. В одном месте справедливо утверждается, что «основная масса советских курдов отошла от религии» (стр. 21), в другом — захоронение курдов на азербайджанских кладбищах в наше время объясняется «общей религиозной принадлежностью курдов и азербайджанцев» (стр. 87). Описывается общераспространенный у курдов обычай гостеприимства (по источникам 60—70-летней давности), но не указывается, какой отпечаток наложило на этот обычай советское время (стр. 131—132). Между тем прославленное курдское гостеприимство, порожденное родо-племенными отношениями со всеми их достоинствами и недостатками, в прежние времена нередко оборачивалось самым коварным вероломством, как только гость удалялся на достаточное расстояние от дома хозяина. Вряд ли сейчас происходит то же. Дается описание конно-спортивных игр у курдов по Г. Ф. Грязнову (1896 г.) со ссылкой на то, что «старое поколение любит о них вспоминать» (стр. 185—187), но остается неизвестным, сохранились ли эти игры у нынешних курдов. В разделе о курдском фольклоре нет и намека на советскую действительность; трудно поверить, что полевые исследования не дали автору никакого фольклорного материала (стр. 189—

193). Касаясь песенного творчества, Т. Ф. Аристова пишет: «В настоящее время наряду с минорными существуют песни мажорные. В отличие от прошлого народ стал исполнять и песни коллективные» (стр. 200). Думается, что в данном вопросе нет достаточных оснований искать качественное отличие настоящего от прошлого.

Может быть, одной из причин того, что автору не всегда правильно и убедительно удается увязать материал исторический и современный, является недостаточная разработанность проблемы о пережиточных формах и институтах у курдов. О пережитках в книге говорится часто, но как правило, в общей форме, без анализа их сущности. Создается впечатление, что автор не всегда представляет себе, насколько укоренились пережиточные формы у современных закавказских курдов, какую роль они играют и каковы перспективы их исчезновения. Эта проблема, актуальная и для других в прошлом отсталых народов нашей страны, нуждается в дальнейшей разработке.

Хочется сделать Т. Ф. Аристовой еще один упрек, очевидно, косвенно связанный с вышесказанным. Он относится главным образом к двум последним главам, трагующим вопросы социального и культурного прогресса советских курдов. Автор отобрал выразительный материал, характеризующий замечательные достижения советских курдов в этих областях. Это хорошо. Хуже, что в указанных главах автор часто сбивается на панегирическое перечисление фактов без попытки какого бы то ни было анализа. В книге правильно показано, что при советском строе курды сохранили свои национальные черты, приумножили накопленные веками духовные ценности. Это, однако, не освобождает исследователя от необходимости сравнивать, а также отмечать имеющиеся теневые стороны в их быте и сознании. К сожалению, и в рецензируемой книге заметно влияние неверной традиции рисовать современный быт народов нашей страны только розовой краской.

Не свободна книга от некоторых трюизмов и наивных пассажей. Приведем ряд примеров:

«Среди пещерных жилищ можно выделить пещеры искусственные и естественные. Искусственные пещеры либо создавались в мягких горных породах, либо выкапывались в толще лёсса. К естественным пещерам принадлежали большие по размерам глубокие пустоты» (стр. 88). Это звучит весьма «научно», но пригодно скорее для толкового словаря.

«...Некоторые традиционные обрядовые действия во время различных семейных праздников... могут стать составной частью развлечений молодежи во время советских праздников» (стр. 177). Если это рекомендация, то хотелось бы знать, следует ли ей сама курдская молодежь.

«Свободное время колхозники проводят в сельских клубах, избах-читальнях, где обсуждают насущные вопросы общественной жизни. В клубах односельчане собираются реже — во время комсомольских свадеб, колхозных заседаний..., больших праздников» (стр. 187—188). Неясно, во-первых, различие между клубами и сельскими клубами, а, во-вторых, все ли колхозники именно так проводят свое свободное время, как констатирует автор, или, может быть, часть из них посвящают свой досуг отдыху или домашним делам. Можно найти в книге и другие неудачные или неточные выражения и примеры.

В заключение необходимо подчеркнуть, что перечисленные недостатки и погрешности (некоторые из них в какой-то степени характерны и для других работ на сходную тему) не умаляют положительную оценку рецензируемой книги. Следует учесть, что автору первой советской сводной этнографической работы по закавказским курдам приходилось преодолевать значительные трудности и часто идти неизведанными путями. Не вызывает сомнений, что Т. Ф. Аристова, несмотря на известные недочеты, в конечном итоге добилась успеха. Особо надо отметить отличное внешнее оформление книги, повышающее интерес читателя к ней. Хочется надеяться, что монография Т. Ф. Аристовой «Курды Закавказья», представляющая собой вклад в курдоведение и в этнографическую науку вообще, послужит основой для дальнейшей разработки темы.

М. С. Лазарев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

П. И. Борисковский. *Первобытное прошлое Вьетнама*. М.—Л., 1966.

Книга известного исследователя палеолита и древнейшего прошлого человечества, П. И. Борисковского, посвященная первобытным культурам Вьетнама, вышла в свет в те дни, когда взоры людей во всем мире обращены к народу Вьетнама, к его борьбе против американского империализма.

В ней раскрываются замечательные страницы прошлого этого народа и его страны, отчетливо вырисовывается вклад обитателей Вьетнама в мировую культуру и всемирную историю человечества. Автор книги выступает при этом не как бесстрастный